

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 4–11

Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 4–11

Научная статья

УДК 94(47).05

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-4-11>

Введение брадобрития и ношения «немецкого» платья Петром I в исторической памяти

Д. С. Артамонов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Артамонов Денис Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций, artamonovds@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8689-1948>

Аннотация. Статья посвящена отражению введения брадобрития и ношения «немецкого» платья Петром I в исторической памяти. Эта мера, направленная на преодоление религиозных предрассудков и насаждение европейского образа жизни, стала восприниматься в культурной памяти послепетровской эпохи как метафора перерождения России и окончательно закрепились в российской культуре в качестве образа «европеизации». В последующем, соединившись с пушкинской метафорой «в Европу прорубить окно», возник образ Петра I, рубящего бороды топором. Переродившись в миф, этот образ стал определять рамки формирования представлений о Петре I и его эпохе в исторической памяти современного общества.

Ключевые слова: Петр I, историческая память, метафора, брадобритие, европеизация, исторический миф, образы прошлого

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Петр I в исторической памяти современной России: репрезентация образа в медиасреде» № 20-09-42063)

Для цитирования: Артамонов Д. С. Введение брадобрития и ношения «немецкого» платья Петром I в исторической памяти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 4–11. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-4-11>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-4-11>

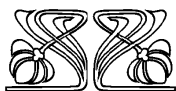
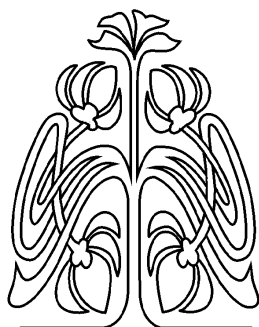
Historical memory of how Peter I introduced shaving and wearing «German» dresses

Denis S. Artamonov, artamonovds@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8689-1948>

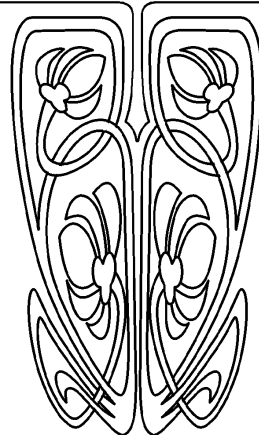
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The article is devoted to the reflection in historical memory of the introduction of shaving and wearing «German» dresses by Peter I. This measure was aimed at overcoming religious prejudices and instilling a European way of life. It is fixed in the cultural memory of the post-Petrine era as a metaphor for the rebirth of Russia and the image of «Europeanization». Historians, publicists, and writers in their writings combined it with the metaphor «window to Europe» and constructed the image of Peter I, who cuts beards with an axe. Thus one of the myths about Peter I and his era arose. Today this view defines the historical memory of him in modern society.

Keywords: Peter I, historical memory, metaphor, memory studies, shaving, Europeanization, historical myth, images of the past

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR according to the research (project «Peter I in the historical memory of modern Russia: representation of the image in the digital media» No. 20-09-42063)

For citation: Artamonov D. S. Historical memory of how Peter I introduced shaving and wearing «German» dresses. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 4–11 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-4-11>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Насильственное сбривание бород Петром I стало одним из важнейших символов его эпохи. Этот исторический курьез наряду с законодательным введением ношения «немецкого» платья не раз привлекал внимание историков и стал частью коллективной памяти. Каким образом те или иные события становятся частью коллективного сознания, изучается в рамках исследовательского направления *memory studies*. М. Хальбвакс, характеризуя коллективную память в качестве социального феномена, подчеркивал ее избирательность¹. Я. Ассман, выделяя два вида коллективной памяти – коммуникативную и культурную, под последней понимал особую символическую форму передачи и актуализации культурных смыслов. По его мнению, культурная память, передаваясь из поколения в поколение, сохраняет лишь наиболее значимое прошлое, представляющее собой мифологизированную историю. Трансформация истории в миф не делает ее нереальной, напротив – «только так она становится реальностью в смысле постоянной нормативной и формирующей силы»².

Как указал Ю. М. Лотман, естественным переводом мифа в привычные формы нашего сознания является метафора³. Мифологический текст, переведенный в категорию немифологического сознания, порождает метафорические конструкции, с помощью которых осуществляется репрезентация исторической реальности в памяти культуры. Механизмами культурной памяти, по его мнению, фиксируются исключительные события, эксцессы, случаи и происшествия⁴, которые приобретают форму метафоры и сохраняются в пространстве культуры.

Метафоричность описания прошлого характерна не только для коллективной памяти, но и исторического знания. Ф. Анкерсмит подчеркивал, что в исторической работе метафорическое измерение всегда более сильно, чем буквальное или фактографическое. Историк, описывая прошлое, использует метафору как «наиболее мощный лингвистический инструмент, который мы имеем в нашем распоряжении для преобразования действительности в мир, способный адаптироваться к целям и задачам человека»⁵. Метафора позволяет сделать прошлое узнаваемым и актуализировать его в памяти.

Концептуально история и память противостоят друг другу. Я. Ассман считал, что «память о прошлом не имеет ничего общего с научной историей»⁶, а П. Нора отмечал, что «память всегда подозрительна для истории, истинная миссия которой состоит в том, чтобы разрушить и вытеснить ее»⁷. Однако следует признать, что историческое

знание выполняет роль каркаса исторического сознания и массовых представлений о прошлом. Исторические исследования определенным образом влияют на конструирование исторической памяти, становясь неотъемлемой ее частью. Применение историками метафор при описании прошлого облегчает восприятие их трудов обществом и обеспечивает внедрение исторического знания в массовое сознание. Метафора воспринимается как символ, отсылающий к определенному мифу, через который объясняется действительность и историческое прошлое.

Петровская эпоха – один из самых мифологизированных периодов российской истории. Как верно отметила Л. П. Репина, «мифические структуры в закодированной форме регистрируют реальные события или кардинальные перемены в жизни общности»⁸. Мифологический канон осмысления эпохи Петра I сложился чрезвычайно быстро и стал определяющим не только для последующих поколений, но и для историков, использующих его как средство кодирования описываемых событий. Этим каноном стал миф о полном и совершенном перерождении страны, сотворении «новой» России магической силой царя-демиурга⁹. Введение бородбрития и «немецкого» костюма стало неотъемлемым элементом этого процесса мифотворчества, в последующем превратившись в самостоятельный исторический миф.

Для характеристики исторического мифа можно воспользоваться определением Л. П. Репиной, которая понимала под ним «представления о прошлом, воспринимаемые в данном социуме как достоверные «воспоминания» (как «история»), составляющие значимую часть картины мира и играющие важную роль как в ориентации, самоидентификации и поведении индивида, так и в формировании и поддержании коллективной идентичности и трансляции этических ценностей»¹⁰. В этой связи насильственное бритье бород Петром I своим подданным и переодевание их в одежду заграничного фасона можно рассматривать как миф, в котором реальный исторический факт выступает символом вестернизации России, метафорически описывая сложный процесс приобщения страны к европейской культуре.

История введения бородбрития и «немецкого» костюма хорошо прослеживается по историческим источникам, неоднократно привлекая внимание исследователей. Наступление на бороду и русское платье Петр I повел сразу, как только вернулся из-за границы, спешно завершив свое участие в миссии «Великое посольство», после получения известия о стрелецком бунте в Москве.

Согласно дневнику И. Г. Корба, секретаря австрийского посла, 26 августа 1698 г. Петр I в своей резиденции в с. Преображенском принимал бояр, поспешивших поздравить его с возвращением из заграничной поездки и засвидетельствовать свою верность. Дневник Корба запечатлел противоречивую картину, на которой Петр I благосклонно поднимал павших ниц бояр, целовал их «как своих близких друзей», но в то же время говорил им, имея в виду польского короля Августа II: «Все вы вместе и каждый из вас отдельно ... для меня не стоите его одного...», а главное все присутствовавшие бояре, кроме кн. М. А. Черкасского и Т. Н. Стрешнева, были лишены своих бород. Царь собственноручно, «ножницами, без разбору свирепствовавшими против бород присутствующих», внес существенные изменения во внешний вид оторопевших и не смевших перечить сановников. Бояре, чувствуя свою ответственность и вину за то, что допустили восстание стрельцов, не сопротивлялись и были рады легко отделаться, пожертвовав только бородами. Однако для Петра I акт бритья имел символическое значение приобщения к европейской культуре и уничтожения старинного уклада. Это своеобразно зафиксировал в дневнике И. Г. Корб, записав свое впечатление, которое, скорее всего, воспроизводит слова Петра I, объяснившего боярам значение происходившего: «Всем прочим пришлось перейти к обычаю иноземных народов, причем ножницы уничтожали у них древнее обихование»¹¹. Экзекуция повторилась 1 сентября на праздновании Нового года в доме боярина А. С. Шеина, правда, в роли брадобрее выступил на этот раз царский шут, но под строгим надзором Петра I, не позволявшего никому спасти свою бороду¹².

В дальнейшем Петр I неоднократно брался за ножницы, чтобы привести внешний вид своих знатных подданных в соответствие с введенными им стандартами. 22 февраля 1699 г. на одном из пиршеств он обрезал у некоторых своих офицеров слишком широкие рукава «немецких» новых платьев¹³, а 7 октября 1701 г., будучи в Великом Новгороде, на Иверском подворье «изволил кушать на именинах у Сергея Лапшинского», где стриг бороды гостям¹⁴. 4 декабря 1702 г. в с. Никольском, разгневавшись на Т. Н. Стрешнева, собственноручно лишил его бороды, несмотря на то, что пощадил его в первый раз¹⁵. В декабре 1704 г. на смотре служилых людей в с. Преображенском приказал бить батогами Ивана Данилова «несладно за то, что у него борода и усы не выбриты. И после смотрю им, воеводам, была сказка, чтоб у них впредь бород и усов не было, а у кого будет, и тем будет гнев»¹⁶.

В последующем обрезание бороды превратилось в шуточную ритуальную практику петровских маскарадов. Ф.-В. Берхгольц описал в своем дневнике один из таких маскарадов, проведенный 4 февраля 1722 г., где Петр I, «насмехаясь тем над старыми русскими, которые прежде так

щеголяли своими бородами», резал бороду «Нептуну», роль которого исполнял придворный шут, предварительно приказав придворным привязать к ней золотые червонцы¹⁷. В этом шутовском обряде нельзя не увидеть отражение фискальной политики императора, когда борьба за европеизацию внешнего вида подданных стала иметь побочный эффект в виде пополнения государственной казны.

Первый указ Петра I от 4 января 1700 г., имеющий отношение к данной теме, касался только предписания определенным категориям населения носить «венгерские кафтаны» и не предполагал денежного штрафа за невыполнение предписания. Е. В. Анисимов¹⁸ и А. Т. Шашков¹⁹ предположили, что тогда же появился указ брить бороды. Однако исследование Е. В. Акельева убедительно доказывает, что указ о брадобритьи появился только 16 января 1705 г., и до него подобных законодательных актов не было. Историк полагает, что Петр I понимал опасность законодательного введения брадобритьи, так как его подданные не были готовы к такому шагу. Поэтому указу о бритье бород предшествовали указы о ношении «немецкого» платья, позволившие подготовить население к переменам²⁰. Уже второй указ от 30 декабря 1701 г., повелевавший следовать иностранной моде, предусматривал небольшой штраф за его нарушение, так же как и указ от 22 декабря 1704 г., почти дословно его повторивший. Указ же о бритье бород и усов 1705 г. предполагал возможность откупиться, заплатив огромную по тем временам пошлину. Сопrotивление со стороны населения в условиях ведения Северной войны заставило Петра I уже в 1706 г. приостановить осуществление реформы внешнего облика подданных, но в 1713–1714 гг. указы были повторены вновь, а в 1722–1724 гг. было издано шесть подобных указов, насильственно вводивших запрет на ношение бороды и русского платья. Политика Петра I в этом направлении была продолжена и Екатериной I, и Елизаветой Петровной, в царствование которых действовало петровское законодательство. Только при Екатерине II закончилось преследование бородачей и любителей традиционного русского костюма с изданием указа от 14 декабря 1762 г. о возвращении старообрядцев на родину из Польши и других заграничных мест. 15 декабря 1763 г. была упразднена раскольническая контора²¹.

Насильственное введение брадобритьи и ношения «немецкого» платья вызвало недовольство среди значительной части знати и простого народа. Они видели в этом покушение на православную веру, забвение традиций и были склонны рассматривать действия Петра I «душегубной хитростью Антихриста, воцарившегося в мире» в его лице²². Глубокое потрясение действиями правительства в отношении внешнего вида подданных, многочисленные факты сопротивления петровской политике введения европейской моды со стороны приверженцев старинного об-

раза жизни и одежды²³ не могли не отразиться на восприятии истории царствования Петра I и формировании представлений о его эпохе.

Большую роль в создании образа Петра I сыграли исторические анекдоты о нем, записанные уже в XVIII в.²⁴ Французский философ-просветитель Вольтер писал в своих «Анектодах о царе Петре Великом», что «укоротить полы платья и сбрить бороды своих подданных» было одним из самых трудных предприятий императора. «Именно это вызывало наибольший ропот», с которым справились «располагая у ворот городов портных и бородобреев», и вскоре «упорствующие», платившие налог, «предпочли потерять свою бороду, чем деньги». Для Вольтера преобразование внешнего вида подданных русского царя было преодолением варварства и он особо отметил в этом процессе роль женщин, которые «предпочитали бритые подбородки ... жили в обществе с мужчинами и целовали более благородные лица»²⁵.

Якоб фон Штелин в своих «Подлинных анекдотах» приводит рассказ о том, как сподвижник Петра I князь А. Д. Меншиков, желая угодить ему, уговорами и хитростью убедил «членов воронежского магистрата» сбрить бороды и переодеться в «немецкое» платье. Этот анекдот Я. Штелин приводит в доказательство того, что «одинаковое чувствование было у жителей всех отдаленных от столицы городов ... и того, насколько желал монарх их просвещения»²⁶.

В этом повествовании наряду с образами плутоватого А. Д. Меншикова, глупой и закостеневшей в своем невежестве знати провинциальных городов выведен образ Петра I как заботящегося о своих подданных царя, который радуется успехам приобщения россиян к европейской культуре, но несколько не стремится подвергать их насилию на этом пути.

Такой же образ содержится и в рассказах А. К. Нартова, которые также можно отнести к ряду исторических анекдотов. Он объяснял выдачу указов «сбрить бороды и носить платье короткое немецкое» желанием Петра I поставить Россию «на степень европейских народов, нравственных как просвещением наук и художеств, так обращением и одеждою». А. Нартов приписал Петру I слова, которые очень точно отражают представление о его политике европеизации, сложившееся в коммуникативной памяти россиян XVIII в. и сохранившееся до сегодняшнего дня. Эти слова царь якобы произнес перед «придворными боярами»: «Я желаю преобразить светских козлов ... чтоб они без бород походили в добре на европейцев. ... Ведь наши старики по невежеству думают, что без бороды не внидут в царство небесное, хотя у Бога отверзто оно для всех честных людей ... с бородами ли они, или без бород, с париками ли они, или плешивые, в длинном ли сарафане, или в коротком кафтане»²⁷. В приведенных словах постулируется основной мотив введения Петром I бородобрития и «немецкого» платья – это преодо-

ление религиозных предрассудков и насаждение европейского образа жизни.

Итоги данного преобразования были осмыслены М. М. Щербатовым, который рассматривал бородобритие в комплексе мер, приведших к распространению роскоши и «повреждению» нравов в России. Обозначив успехи реформ, их положительное влияние на развитие страны, он саркастически отметил, что россияне превратились «из бородатых в гладкие, из долгополых в короткополые, стали сообщительнее, и позорищи благонравные известны им учинились», но привязанность к вере стала исчезать вовсе, твердость самодержавной власти уступила место лести, разврату и «сластолюбию», а это открыло дорогу «к разрушению законов», корыстолюбию и коррупции²⁸. Тем самым М. М. Щербатов одним из первых стал говорить о влиянии введения бородобрития и ношения «немецкого» платья на кардинальные изменения российской ментальности и культуры.

В публицистических сочинениях XIX в., оказавших наибольшее влияние на формирование исторической памяти о петровской эпохе, преобразование Петром I внешнего вида подданных не получило однозначной трактовки. Историки и публицисты в своих сочинениях не только отражали сложившиеся стереотипные представления, но и создавали новые образы восприятия деяний первого российского императора. Введение бородобрития и ношения «немецкого» платья стало для них метафорой перерождения России, произведенного насильственными действиями царя, взявшего за образец европейскую цивилизацию. Так, Н. М. Карамзин, относившийся к этой реформе двояко, в «Письмах русского путешественника» писал, что «Петр Великий хотел просветить ум во всех отношениях» и «объявил войну» старинным обыкновениям, которые «препятствовали введению других, еще важнейших и полезнейших иностранных новостей», так как надлежало «свернуть голову закоренелому русскому упрямству, чтобы сделать нас гибкими, способными учиться и перенимать»²⁹. Однако в «Записке о древней и новой России» он убеждал, что «русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ», а Петр I, «искореняя древние навыки, представляя их смешными, хваля и вводя иностранные ... унижал россиян в собственном их сердце». Так как «многие гибли за одну честь русских кафтанов и бороды», он должен был «прибегнуть ко всем ужасам самовластия для обуздания» своих подданных, поэтому «пытки и казни служили средством нашего славного преобразования государственного»³⁰.

Несмотря на различную трактовку в этих двух сочинениях необходимости вводить столь резкие перемены во внешнем облике россиян, в них неизменно присутствует мотив насилия, применяемого Петром I над своим народом.

В. Г. Белинский, избравший эпиграфом к своей статье «Россия до Петра Великого» слова

Н. М. Карамзина из «Писем русского путешественника», метафорично описывал роль именно «бороды» как препятствия просвещению: «Она торчала между книгою и глазами, и не давала читать». Публицист, убеждая своих возможных оппонентов, которые утверждали, что «дело в деле, а не в бороде», оправдывал насилие императора: «Но что ж делать, господа, если борода мешала делу – так вон же ее с корнем, если сама не хочет валиться!». Метафора «бритье бород» у Белинского – символ борьбы с отсталостью России и всех преобразований Петра I, который «бритьем бреет бороды и топором рубит невежество»³¹. Под «невежеством» публицист понимает «тысячи стрелецких голов», павших на Преображенском поле. Из дневника И. Корба известно, что царь непосредственно принимал участие в расследовании стрелецкого бунта и собственноручно казнил топором пятерых мятежников³². Это обстоятельство дало повод Белинскому в своем тексте объединить два орудия просвещения, избранные, по его мнению, Петром I для собственного народа, – бритву и топор. В его фразе также очень четко прослеживается связь с другой метафорой петровской европеизации, популяризованной А. С. Пушкиным в поэме «Медный всадник» – «в Европу прорубить окно».

В восприятии самого А. С. Пушкина петровские преобразования стали причиной того, что в России «связи древнего порядка вещей были прерваны на веки», а бритье бород и ношение иностранного платья усугубило социальный и культурный разрыв между простым народом и дворянством. В «Заметках по истории XVIII в.» он писал: «Народ, упорным постоянством удержав бороду и русскую кафтан, доволен был своей победою и смотрел уже равнодушно на немецкий образ жизни обритых своих бояр»³³, а в повести «Рославлев» вложил в уста главной героини Полины фразу, которую якобы произнесла мадам де Сталь, во время своего посещения России в 1812 г.: «Народ, который, тому сто лет, отстоял свою бороду, отстоит в наше время и свою голову»³⁴. Для А. С. Пушкина борода и русское платье были признаком национального духа, в котором он не отказывал и Петру I, несмотря на то, что тот «сбрил себе бороду и надел голландское платье»³⁵.

Вслед за Пушкиным русское платье и бороду как знак «народного духа» стали воспринимать славянофилы. В одной из своих статей И. С. Аксаков утверждал, что борода – «образ и подобие русского народа в значении его духовной и нравственной исторической личности»³⁶. Отпустив бороду и надев армяки, славянофилы декларировали определенную мировоззренческую позицию, основанную на знании народной культуры. Как минимум дважды они сталкивались с неприятием их демонстративной приверженности национальной одежде и растительности на лице со стороны власти. В 1849 г. славянофилы сбрасывали бороды по настоянию Николая I, передавшего

свое повеление через приближенных, а в 1856 г. московский полицмейстер, полковник Замятнин, сославшись на высочайшее распоряжение императора Александра II, просил А. С. Хомякова и других сбрить бороду и не носить на публике русского платья. Оба случая воспринимались обществом в контексте культурно-исторических ассоциаций, связанных с насильственными действиями Петра I в отношении боярских бород³⁷. А. И. Кошелев с большой гордостью вспоминал, как ему удалось отстоять свою бороду, указав полицмейстеру, что его придется брать силою и «обрить в цирюльне»³⁸.

Образ цирюльни, битком набитой народом, где «один сам подставлял свою бороду, другому насильно брили», в которую во время Петра I «превратилась Русь», встречается у Н. В. Гоголя в письме к М. П. Погодину еще в 1833 г. Писатель предлагает своему адресату вообразить картину преобразования бояр, когда «один бранит антихристову новизну, а между тем сам хочет сделать новомодный поклон и бьется из сил сковеркать ужимку французокафтанника»³⁹. Н. В. Гоголь, представляя реакцию бояр на действия Петра I в комедийном ключе, фиксирует отчетливо сложившееся восприятие его реформ в исторической памяти, как насилия, ведущего отсталую и неуклюжую Россию к просвещению, через приобщение к европейской культуре внешнего вида и поведения.

Введение брадобрития как метафору европеизации и просвещения использовали также историки, описывая петровские преобразования. Н. Г. Устрялов считал, что бритье бород было первым и самым трудным шагом «к перерождению России» и «чем упорнее берегли русские свою бороду, тем ненавистнее она была Петру, как символ закоснелых предрассудков, как вывеска спесивого невежества, как вечная преграда к дружелюбному сближению с иноземцами, к заимствованию у них полезного, и пылкий царь не хотел видеть бородачей вокруг себя»⁴⁰. С. М. Соловьев еще более выразительно предостерегал, как Петр I «насильственным образом выводит бороды и русское платье», преодолевая ожесточение противников своих реформаторских замыслов: «Он готов к борьбе на жизнь и на смерть, он возбужден, он кипит, первый пойдет напролом, он бросится на знамя противников, вырвет и потопчет его: это знамя – борода, это знамя – старинное длинное платье»⁴¹. Для историка выбор платья был цивилизационным выбором России: «Русский народ, вступая на поприще европейской деятельности, естественно, должен был одеться и в европейское платье», ибо стоял вопрос о том, «к семье каких народов принадлежать, европейских или азиатских, и соответственно носить в одежде и знамение этой семьи»⁴². По мнению С. М. Шамина, «созданный Соловьевым яркий, художественный образ» способствовал формированию упрощенной схемы восприятия реформы внешнего вида

как одномоментного «резкого перехода от «азиатского и отсталого» традиционного русского платья к «прогрессивному» европейскому костюму по мановению руки Великого Петра»⁴³.

В. О. Ключевский описывал петровские преобразования почти в тех же выражениях, что и его предшественники, используя те же образы и метафоры. Как и Н. Г. Устрялов, он считал, что Петр I «хотел обрить и одеть своих подданных по-иноземному, чтобы облегчить им сближение с иноземцами», и вслед за С. М. Соловьевым писал, что противники реформ, «политические и церковные староверы» в своей борьбе «выставляли знаменем некоторые наружные особенности, отличавшие древнерусского человека от западного европейца, – бороду, покррой платья», ставшие символами протеста и признаками оппозиции. Для Петра Великого, по мнению историка, древнерусская борода была «не физической подробностью мужской физиономии, а выставкой политического настроения, знаком государственного бунтовщика наравне с длиннополым платьем». Именно поэтому Петр I, вернувшись в Москву из-за границы, «тотчас же принялся стричь бороды и резать длинные полы однорядок и фerezей у своих приближенных». В. О. Ключевский, следуя сложившемуся стереотипу, подчеркивал, что царь собственноручно обрезал бороды и платья, в то же время, отмечая «законодательный и полицейский шум», который «поднялся из-за этой перелицовки и перекостюмировки русских людей на иноземный фасон»⁴⁴.

В сочинениях Н. И. Костомарова встречается та же самая интерпретация семантики царского жеста – принуждение к новому через ломку старого, насилие, угроза. По его мнению, «бородобритие и перемена одежды с первого раза возбуждали ужас и показывали, что Петр не будет оказывать снисхождения обычаям древней русской жизни, принявшим религиозное значение»⁴⁵. Наряду с политической Костомаров вводит религиозную коннотацию восприятия запрета на ношение бороды и старинного русского платья, введенного Петром I. Такие меры, полагал историк, «сделали их принадлежностями мученичества»⁴⁶.

В XX в. огромное влияние на формирование исторической памяти оказывали художественная литература и кинематограф. В популярном историческом романе А. Н. Толстого «Петр Первый» царь сам не резал бороды даже в сцене приема бояр в Преображенском, вместо него это делали «два богопротивных карла» Томос и Сека овечьими ножницами. Создавая образ милостивого монарха, А. Н. Толстой изобразил картину, где, «приняв поклон, Петр иных поднимал и целовал, других похлопывал по плечу и каждому говорил весело: Ишь – бороду отрастил! Государь мой, в Европе над бородами смеются... Уж одолжи мне ее на радостях...»⁴⁷. Эта фраза дословно вошла в художественный фильм 1937 г. с одноименным роману названием режиссера В. М. Петрова, в

котором Петр I, встречая в Санкт-Петербурге приехавших из Москвы бояр, собственноручно обрезает одному из них ножницами его длинную бороду⁴⁸.

Обрезание бороды в этой картине демонстрирует приверженность Петра I европейской моде и одновременно конструирует образ доброго справедливого царя, но строгого к своим вельможам, проявляющим по отношению к ним свой необузданный нрав. Окончательно этот образ был закреплен в фильме 1976 г. «Сказ про то, как царь Петр арапа женил», созданного по мотивам неоконченного произведения А. С. Пушкина «Арап Петра Великого». Режиссер А. Н. Митта вкладывает в руки Петра I топор, которым он рубит бороду боярину посольского приказа Никишке Маслакову, провинившемуся тем, что не очень тщательно следил за обучением в Голландии морскому делу дворянских недорослей⁴⁹. Нужно отметить, что до этого фильма ни в одном из текстов или визуальных образов Петр I не пользовался топором для обрезания бород боярам, однако логика развития метафоры неизбежно привела к этому. Александр Митта сделал то же, что в свое время В. Г. Белинский, соединив реальную практику насильственного обрезания и бритья бород, факт собственноручной казни Петром I пятерых стрельцов и пушкинскую метафору «прорубания окна в Европу».

После этого образ Петра I, рубящего бороды топором, прочно закрепился в исторической памяти. Так, он почти в точности, как и в фильме А. Митты, воспроизведен в одной из серий сатирического альманаха «Нереальная история» в 2014 г.⁵⁰, транслировавшегося на телеканале STS проекта, в котором российская история преподносилась в формате коротких видеороликов, закрепляющих в массовом сознании основные исторические мифы. И если на картине «Петр I стрижет бороды боярам» художника Д. Белокина 1985 г., стремившегося к исторической точности изображения, царь изображен держащим боярина за шиворот и берущим ножницы из рук услужливого сподвижника⁵¹, то уже на рисунке 2018 г. А. Некрасова, распространенном в сети Интернет, Петр I рубит бороду топором хипстеру⁵². Распространение субкультуры хипстеров, носящих бороды, актуализировало миф о петровском бородобритии. Это хорошо прослеживается по возникшей волне интернет-мемов на основе портретного изображения императора, созданного Полем Деларошем в 1838 г., с надписями от имени Петра I: «Я человек простой, вижу бороду, рублю с плеча» и «Я сбрил бороды, а чего добился ты?», а также мема «Петра на ваши бороды нет». Данные интернет-мемы, созданные пользователями социальных сетей, имеют массовое распространение в различных вариациях и оказывают огромное влияние на тиражирование образа русского царя, обрубавшего бороды боярам или в контексте современной культуры – хипстерам.

Кроме мемов, на массовое сознание большое влияние оказывают средства массовой информации и тематические интернет-сайты. В 2018 г. на многих из них появились популярные очерки, приуроченные в 320-летию возвращения Петра I из Великого посольства и началу его вестернизаторских реформ. Если в содержании этих статей передавалась в целом исторически верная информация, то заголовки в большей степени отражали мифологизированные представления о Петре I и его эпохе, в частности, о бородах говорилось, что царь их именно рубил. Вот примеры некоторых заголовков: «Бородатая революция. Как Петр Первый рубил окно в Европу и бороды боярам», «Зачем Петр I рубил бороды и как это аукнулось сегодня», «Почему Петр I велел рубить бороды боярам», «Петр I самолично рубил бороды» и др.

В период пандемии 2020 г. появилась новость, что «борода увеличивает в тысячу раз риск подхватить коронавирус COVID-19». Это стало поводом для создания фейкового информационного сообщения, согласно которому власти Москвы якобы обяжут сбрить бороды всех мужчин столицы. Само появление этого сообщения и комментарии на него пользователей социальных сетей однозначно указывают, что в их сознании актуализировался миф о насильственном бробритии, учиненным Петром I. «И это хорошая новость! Сразу прорубим окно в Европу», «Ну прям по стопам Петра Первого – любимца Путина»⁵³, – писали интернет-пользователи.

Введение бробритии и ношения «немецкого» платья Петром I в исторической памяти сохраняет свое значение метафоры европеизации и насильственного преобразования России. Образ русского царя-преобразователя в современном массовом сознании воспринимается именно через эту метафору, сформированную усилиями историков, публицистов, литераторов, художников. Использование метафоры привело к мифологизации исторических фактов, воплощением которой стало появление мифа о Петре I, рубящим бороды топором. Этот миф наряду с прорубанием «окна в Европу» и строительством флота стал определяющим для формирования представлений о петровской эпохе. «Топором Петр рубил бороды, головы, фрегаты, окно в Европу, дрова, наконец» – этот комментарий из социальных сетей – яркое тому подтверждение.

Примечания

- 1 См.: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
- 2 Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 54–55.
- 3 См.: Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 2010. С. 535.
- 4 Там же. С. 364.
- 5 Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 85.
- 6 Ассман Я. Указ. соч. С. 81.
- 7 Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-Память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 20.
- 8 Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт / 2003. № 07. М.: Высшая школа экономики, 2003 / № 07. С. 22.
- 9 См.: Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 538.
- 10 Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 453.
- 11 Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб.: Издание А. С. Суворина, 1906. С. 79.
- 12 Там же. С. 81.
- 13 Там же. С. 127–128.
- 14 См.: Седов П. В. «В соборе и у владыки был в венгерском платье» (перемены в одежде новгородцев в конце XVII – начале XVIII в.) // Новгородика-2012. У истоков российской государственности: материалы IV Международной научной конференции: в 3 ч. Ч. 1. Великий Новгород, 2013. С. 236.
- 15 См.: Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб.: Тип. II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1863: в 6 т. Т. 4, ч. II. С. 592–593.
- 16 Желябужский И. А. Записки // Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М.: Современник, 1990. С. 347.
- 17 Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725: в 4 ч. Ч. 1, 2 // Неистовый реформатор. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 325.
- 18 См.: Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989. С. 353–354.
- 19 См.: Шашков А. Т. Дело 1705 г. «о противности и о преслушании его царского величества указу томских жителей о немецком платье и о бритии бород» // Проблемы истории России: в 7 вып. Вып. 2: Опыт государственного строительства XV–XX вв. Екатеринбург: НПМП «Волот», 1998. № 2. С. 301.
- 20 Akelev A. When Did Peter the Great Order Beards Shaved // Quaestio Rossica. 2017. Vol. 5, № 4. P. 1107–1130. DOI: 10.15826/qr.2017.4.270
- 21 См.: Акельев Е. В., Трефилов Е. Н. Проект европеизации внешнего облика подданных в России первой половины XVIII в.: замысел и реализация // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 172–173.
- 22 Михневич В. О. Исторические этюды русской жизни: в 3 т. СПб.: Тип. Ф. Сушинского, 1882. Т. 2. С. 83.
- 23 См.: Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I: По материалам Преображенского приказа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957.
- 24 См.: Мезин С. А. Анекдоты о Петре Великом как явление русской историографии XVIII в. // Историографический сборник. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2002. Вып. 20. С. 19.

- ²⁵ *Вольтер*. Анекдоты о царе Петре Великом / пер. с фр., коммент. и вступ. ст. С. А. Мезина // *Историографический сборник*. Саратов, 2001. Вып. 19. С. 150.
- ²⁶ *Штелин Я.* Подлинные анекдоты из жизни Петра Великого слышанные от знатных особ в Москве и Санкт-Петербурге. М. : Остеон-Групп, 2017. С. 217.
- ²⁷ *Нартов А. К.* Рассказы Нартова о Петре Великом / ред., вступ. ст. и прим. Л. Н. Майкова. СПб. : Тип. Акад. наук, 1891. С. 22.
- ²⁸ См.: О повреждении нравов в России (Записки князя М. М. Щербатова) // *Русская старина*. 1870. Т. 2, вып. 7–12. С. 37–38.
- ²⁹ *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. М. : Правда, 1988. С. 341.
- ³⁰ *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 32–35.
- ³¹ *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Издательство АН СССР, 1954. Т. 5. С. 143, 148.
- ³² См.: *Корб И. Г.* Указ. соч. С. 91.
- ³³ *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений : в 10 т. Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1978. Т. 8. С. 89.
- ³⁴ Там же. Т. 6. С. 135.
- ³⁵ Пушкин в русской философской критике : Конец XIX – первая половина XX в. М. : Книга, 1990. С. 140.
- ³⁶ *Аксаков И. С.* Наше знамя – русская народность. М. : Институт русской цивилизации, 2008. С. 100.
- ³⁷ См.: *Мазур Н. Н.* Дело о бороде. Из архива Хомякова : письмо о запрещении носить бороду и русское платье // *Новое литературное обозрение*. 1993. № 6. С. 132.
- ³⁸ *Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями.* Berlin : V. BERNH'S VERLAG, 1884. С. 89.
- ³⁹ *Гоголь Н. В.* Переписка : в 2 т. М. : Художественная литература, 1988. Т. 1. С. 341.
- ⁴⁰ *Устрялов Н. Г.* Указ. соч. Т. 3. С. 192–195.
- ⁴¹ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен : в 6 кн. Кн. 3, т. XI–XV. СПб. : Товарищество «Общественная польза», 1895–1896. С. 1188–1189.
- ⁴² Там же. С. 13–74.
- ⁴³ *Шамин С. М.* Мода в России последней четверти XVII столетия // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2005. № 1 (19). С. 38.
- ⁴⁴ *Ключевский В. О.* Курс русской истории : в 9 т. М. : Мысль, 1989. Т. 4. С. 199–200.
- ⁴⁵ *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М. : Эксмо, 2014. С. 418.
- ⁴⁶ *Костомаров Н. И.* Исторические монографии и исследования : в 2 кн. М. : Книга, 1990. Кн. 2. С. 131.
- ⁴⁷ *Толстой А. Н.* Петр Первый. Кишинев : Картя молдовеня СКЭ, 1970. С. 275.
- ⁴⁸ См.: Петр Первый (1937 г., реж. Владимир Петров) // *Ruskino.ru* : [сайт]. URL: <https://ruskino.ru/mov/1375/gallery> (дата обращения: 03.06.2020).
- ⁴⁹ См.: Сказ про то, как царь Петр арапа женил // *Word.ru*. Тексты фильмов : [сайт]. URL: <http://www.vvord.ru/tekst-filma/Skaz-pro-to--kak-carj-Pyotr-arapa-zhenil/2> (дата обращения: 03.06.2020).
- ⁵⁰ См.: Нереальная история – ПЕТР I – Бороды долой! // *YouTube* : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Zq4R2tmqoyE> (дата обращения: 03.06.2020).
- ⁵¹ См.: Историческая картина // *Дмитрий Белокин* : [сайт]. URL: <http://www.belukin.ru/statique/8/> (дата обращения: 03.06.2020).
- ⁵² См.: Художник решил судиться с шоколадной фабрикой из-за рисунка на фантике // *НТВ* : [сайт]. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1972378/> (дата обращения: 03.06.2020).
- ⁵³ См.: Власти Москвы обяжут сбрить бороды всех мужчин столицы // *ИА «Панорама»* : [сайт]. URL <https://panorama.pub/37717-sbrit-borody.html> (дата обращения: 03.06.2020).

Поступила в редакцию 19.06.2020, после рецензирования 29.06.2020, принята к публикации 05.11.2020
 Received 19.06.2020, revised 29.06.2020, accepted 05.11.2020